

Суд

Изба Кузьмы Егорова, лавочника. Душно, жарко. Проклятые комары и мухи толпятся около глаз и ушей, надоедают... Облака табачного дыму, но пахнет не табаком, а соленой рыбой. В воздухе, на лицах, в пении комаров тоска. Большой стол; на нем блюдечко с ореховой скорлупой, ножницы, баночка с зеленой мазью, картузы, пустые штофы. За столом восседают: сам Кузьма Егоров, староста, фельдшер Иванов, дьячок Феофан Манафуилов, бас Михайло, кум Парфентий Ивановыч и приехавший из города в гости к тетке Анисье жандарм Фортунатов. В почтительном отдалении от стола стоит сын Кузьмы Егорова, Серапион, служащий в городе в парикмахерской и теперь приехавший к отцу на праздники. Он чувствует себя очень неловко и дрожащей рукой теревит свои усики. Избу Кузьмы Егорова временно нанимают для медицинского пункта, и теперь в передней ожидают расслабленные. Сейчас только привезли откуда-то бабу с поломанным ребром... Она лежит, стонет и ждет, когда, наконец, фельдшер обратит на нее свое благосклонное внимание. Под окнами толпится народ, пришедший посмотреть, как Кузьма Егоров своего сына пороть будет.

Вы всё говорите, что я вру, говорит Серапион, а потому я с вами говорить долго не намерен. Словами, папаша, в девятнадцатом столетии ничего не возьмешь, потому что теория, как вам самим небезызвестно, без практики существовать не может.

Молчи! говорит строго Кузьма Егоров. Материй ты не разводи, а говори нам толком: куда деньги мои девал?

Деньги? Гм... Вы настолько умный человек, что сами должны понимать, что я ваших денег не трогал. Бумажки свои вы не для меня копите... Грешить нечего...

Вы, Серапион Косьмич, будьте откровенны, говорит дьячок. Ведь мы вас для чего это спрашиваем? Мы вас убедить желаем, на путь наставить благой... Папашенька ваш ничего вам, кроме пользы вашей... И нас вот попросил... Вы откровенно... Кто не грешен? Вы взяли у вашего папаши двадцать пять рублей, что у них в комоде лежали, или не вы?

Серапион сплевывает в сторону и молчит.

Говори же! кричит Кузьма Егоров и стучит кулаком о стол. Говори: ты или не ты?

Как вам угодно-с... Пускай...

Пущай, поправляет жандарм.

Пущай это я взял... Пущай! Только напрасно вы, папаша, на меня кричите.

Стучать тоже не для чего. Как ни стучите, а стола сквозь землю не провалите. Денег ваших я никогда у вас не брал, а ежели брал когда-нибудь, то по надобности... Я живой человек, одушевленное имя существительное, и мне деньги нужны. Не камень!..

Поди да заработай, коли деньги нужны, а меня обирать нечего. Ты у меня не один, у меня вас семь человек!

Это я и без вашего наставления понимаю, только по слабости здоровья, как вам самим это известно, заработать, следовательно, не могу. А что вы меня сейчас куском хлеба попрекнули, так за это самое вы перед господом богом отвечать станете...

Здоровьем слаб!.. Дело у тебя небольшое, знай себе стриги да стриги, а ты и от этого дела бегаешь.

Какое у меня дело? Разве это дело? Это не дело, а одно только поползновение. И образование мое не такое, чтоб я этим делом мог существовать.

Неправильно вы рассуждаете, Серапион Косьмич, говорит дьячок. Ваше дело почтенное, умственное, потому вы служите в губернском городе, стрижете и бреете людей умственных, благородных. Даже генералы, и те не чуждаются вашего ремесла.

Про генералов, ежели угодно, я и сам могу вам объяснить.

Фельдшер Иванов слегка выпивши.

По нашему медицинскому рассуждению, говорит он, ты скипидар и больше ничего.

Мы вашу медицину понимаем... Кто, позвольте вас спросить, в прошлом годе пьяного плотника, вместо мертвого тела, чуть не вскрыл? Не проснись он, так вы бы ему живот распороти. А кто касторку вместе с конопляным маслом мешает?

В медицине без этого нельзя.

А кто Маланью на тот свет отправил? Вы дали ей слабительного, потом крепительного, а потом опять слабительного, она и не выдержала. Вам не людей лечить, а, извините, собак.

Маланье царство небесное, говорит Кузьма Егоров. Ей царство небесное. Не она деньги взяла, не про нее и разговор... А вот ты скажи... Алене отнес?

Гм... Алене!.. Постыдились бы хоть при духовенстве и при господине жандарме.

А вот ты говори: ты взял деньги или не ты?

Староста вылезает из-за стола, зажигает о колено спичку и почтительно подносит ее к трубке жандарма.

Ффф... сердится жандарм. Серы полный нос напустил!

Закурив трубку, жандарм встает из-за стола, подходит к Серапиону и, глядя на него со злобой и в упор, кричит пронзительным голосом:

Ты кто таков? Ты что же это? Почему так? А? Что же это значит? Почему не отвечаешь? Неповиновение? Чужие деньги брать? Молчать! Отвечай! Говори! Отвечай!

Ежели...

Молчать!

Ежели... Вы потише-с! Ежели... Не боюсь! Много вы об себе понимаете! А вы дурак, и больше ничего! Ежели папаше хочется меня на растерзание отдать, то я готов... Терзайте! Бейте!

Молчать! Не ра-а-азговаривать! Знаю твои мысли! Ты вор? Кто таков?

Молчать! Перед кем стоишь? Не рассуждать!

Наказать-с необходимо, говорит дьячок и вздыхает. Ежели они не желают облегчить вину свою сознанием, то необходимо, Кузьма Егорыч, посечь. Так я полагаю: необходимо!

Влепить! говорит бас Михайло таким низким голосом, что все пугаются.

В последний раз: ты или нет? спрашивает Кузьма Егоров.

Как вам угодно-с... Пущай... Терзайте! Я готов...

Выпороть! решает Кузьма Егоров и, побагровев, вылезает из-за стола.

Публика нависает на окна. Расслабленные толпятся у дверей и поднимают головы. Даже баба с переломленным ребром, и та поднимает голову...

Ложись! говорит Кузьма Егоров.

Серапион сбрасывает с себя пиджачок, крестится и со смирением ложится на скамью.

Терзайте, говорит он.

Кузьма Егоров снимает ремень, некоторое время глядит на публику, как бы выжидая, не поможет ли кто, потом начинает...

Раз! Два! Три! считает Михайло низким басом. Восемь! Девять!

Дьячок стоит в уголку и, опустив глазки, перелистывает книжку...

Двадцать! Двадцать один!

Довольно! говорит Кузьма Егоров.

Еще-с!.. шепчет жандарм Фортунатов. Еще! Еще! Так его!

Я полагаю: необходимо еще немного! говорит дьячок, отрываясь от книжки.

И хоть бы пискнул! удивляется публика. Больные расступаются, и в комнату, треща накрахмаленными юбками, входит жена Кузьмы Егорова.

Кузьма! обращается она к мужу. Что это у тебя за деньги я нашла в кармане?

Это не те, что ты давеча искал?

Оне самые и есть... Вставай, Серапион! Нашлись деньги! Я положил их вчерась в карман и забыл...

Еще-с! бормочет Фортунатов. Влепить! Так его!

Нашлись деньги! Вставай!

Серапион поднимается, надевает пиджачок и садится за стол.

Продолжительное молчание. Дьячок конфузится и сморкается в платочек.

Ты извини, бормочет Кузьма Егоров, обращаясь к сыну. Ты не того... Чёрт же его знал, что они найдутся! Извини...

Ничего-с. Нам не впервой-с... Не беспокойтесь. Я на всякие мучения всегда готов.

Ты выпей... Перегорит...

Серапион выпивает, поднимает вверх свой синий носик и богатырем выходит из избы. А жандарм Фортунатов долго потом ходит по двору, красный, выпуча глаза, и говорит:

Еще! Еще! Так его!